

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Биюшкина Н.И.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В ПЕРИОД КОДИФИКАЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х – 1960-х гг.

Аннотация: Автор подробно исследует важнейшие исторические события второй половины 1950-х – 1960-х гг., которые со временем сделали возможным проведение кодификации уголовного и уголовно-процессуального права в указанный период. Отправной точкой кодификационной деятельности можно считать XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. с докладом Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», в котором были подняты вопросы реабилитации граждан, репрессированных в период сталинского террора. Одной из целей ЦК КПСС в соответствии с решениями XX съезда стало полное искоренение преступности с заменой мер уголовного наказания мерами общественного воспитания. Статья основана на использовании концептуальных положений материалистического метода научного познания. Автором применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, системный метод, дедукция, индукция, описание, сравнение, что позволило установить особенности претворения в реальность основных принципов советского уголовного права и процесса в изучаемый период. Среди использованных автором специальных и частнонаучных методов необходимо выделить историко-правовой, который позволил определить основные черты развития советского уголовного и уголовно-процессуального права в период кодификации второй половины 1950-х – 1960-х гг. Основными выводами проведенного исследования являются выявленные автором многочисленные исключительно значимые изменения в советском уголовном и уголовно-процессуальном праве в изучаемый период, которые были отражены в кодификации второй половины 1950-х – 1960-х гг., что способствовало восстановлению социалистической законности. Особым вкладом автора в исследование темы является вывод о том, что качественные политико-правовые трансформации, произошедшие в СССР в середине 1950-х – 1960-е гг., способствовали развитию организационно-правовых механизмов защиты и охраны прав советских граждан, ограждая их от произвола карательных органов, носивших неконституционный характер, ликвидированных в данный период. Прекращалось также действие целого ряда норм ярко выраженной репрессивной направленности, которые являлись неотъемлемой составляющей советского уголовного права в период с момента его становления по вторую половину 1950-х гг.

Ключевые слова: Уголовное право, уголовный процесс, законодательство, декриминализация, принцип аналогии, хищения, валютные махинации, неприкосновенность личности, Советское государство, XX съезд КПСС.

Abstract: The author carefully examines the key historical events of the second part of the 1950's and into the 1960's, which in time made possible the codification of the criminal and criminal procedural law of that period. The point of origin of codification can be considered the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union, which took place in February of 1956 with the speech by N. S. Khrushchev "On the cult of personality and its consequences", in which he raise the questions of rehabilitation of citizens repressed during the period of Stalin's reign. One of the goals of the CC CPSU in accordance with the decisions of the 20th Congress was complete eradication of crime with replacement of measures of criminal punishments with measures of social rehabilitation. The author detects multiple exclusively significant changes in the Soviet criminal and criminal procedure law in the studied period that were reflected in the codification of the second half of the 1950's and into the 1960's, which contributed to the restoration of the Socialist lawfulness. The author's contribution into this subject is the conclusion that the qualitative political-legal transformations that took place in the USSR from mid-1950's to 1960's have prompted the development of the organizational legal mechanisms of protection of the rights of Soviet citizens, shielding them from arbitrary punishment by the branches that carried unconstitutional character and were abolished during said period.

Keywords: *The 20th Congress of the Communist Party of the So, Soviet State, Arbitrary detention, Currency fraud, Theft, Analogy principle, Decriminalization, Legislation, Criminal procedure, Criminal law.*

Основные направления кодификации советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства второй половины 1950-х – 1960-х гг. были обусловлены решениями XX-го съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г. Особую роль в этом ключе сыграл доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», имевший чрезвычайно важное историческое и политико-правовое значение для дальнейшего развития Советского государства. В выступлении Первого секретаря ЦК КПСС были подняты вопросы реабилитации граждан, репрессированных в период сталинского террора. Партийная доктрина, оформленная на XX съезде КПСС, легла в основу правотворчества Советского государства. Следует согласиться с мнением профессора Т.Е. Новицкой о том, что партийная доктрина составляла основу правотворчества Советского государства.[1, с. 29–30] Так, 30 июня 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял Постановление «О преодолении культа личности и его последствий» [2, с. 111–129], которое можно считать ключевым моментом в изменении принципов советского уголовного права и процесса в сторону восстановления социалистической законности и правопорядка, охраны прав и свобод советских граждан, советского социалистического демократизма.

На XX съезде КПСС была подчеркнута полная и окончательная победа социализма в СССР, и изложена партийная программа о построении к 1980 г. коммунистического общества, в котором преступность будет окончательно искоренена. Все эти положения нашли отражение в кодификации советского уголовного и уголовно-процессуального законодательства второй половины 1950-х – 1960-х гг. На XX съезде КПСС был одобрен ряд мероприятий по проведению в жизнь принципов социалистической законности, охраны прав и свобод советских граждан.[3, с. 291–310]

Необходимо также отметить, что в соответствии с политическими и экономическими изменениями в жизни общества и государства требовалось принятие новых кодифицированных актов вместо УК РСФСР 1926 г. и УПК РСФСР 1923 г., которые не соответствовали реалиям, сложившимся три десятилетия спустя. Современник кодификации исследователь Н.С. Алексеев охарактеризовал этот процесс

следующим образом: «новые условия жизни советского общества, изменение социально-политической обстановки, полная и окончательная победа социализма в нашей стране явились основанием для проведения большой работы по кодификации советского законодательства»[4, с. 95–104].

Наряду с партийной доктриной важным источником советского уголовного и уголовно-процессуального права являлось социалистическое правосознание. Как справедливо отмечает исследователь О.А. Максимова, «...не любое правосознание могло выступать как источник права, а только правосознание трудящихся классов, которое в то время формировалось и развивалось на основе марксизма»[5, с. 88–94].

В соответствии с ленинской позицией о том, что «закон есть мера политическая, есть политика»[6, с. 36], советский исследователь В.М. Семенов утверждал: «...в советском праве эпохи строительства коммунизма находит выражение политика советского народа, руководимого Коммунистической партией Советского Союза».[7, с. 16–26]

25 декабря 1958 года были приняты Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, в соответствии с которыми определялось, что «задачи советского уголовного права состоят в охране советского общественного государственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и всего социалистического правопорядка от преступных посягательств»[8, ст. 6].

Следует отметить, что в соответствии с Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., преступлением признавалось «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние...». В советской юридической литературе не существовало единого мнения в отношении столь важного признака преступления, как общественная опасность. Так, исследователь А.А. Пионтковский утверждал, что «деяние общественно опасно не потому, что его так оценил кто-то, а потому, что оно по своей внутренней сущности находится в резком противоречии с нормальными условиями существования этого общества, что оно посягает на охраняемые правом социалистические общественные отношения, что оно утверждает отношения, противоречащие интересам трудящихся классов»[9, с. 29].

Однако, по мнению Л. Шуберта, именно законодатель уточняет, «какие деяния следует признать общественно опасными, т.е. ряд деяний общественно опасен именно потому, что к таковым их относит уголовное законодательство»[10, с. 30].

Профессор М. Д. Шаргородский подчеркивал в своей рецензии на монографию Л. Шуберта, не соглашаясь с этим ученым, что «общественная опасность — это объективное социальное свойство конкретного деяния человека, которое при определенной степени общественной опасности становится противоправным, а иногда и уголовно наказуемым»[11, с.152-155].

Трудно согласиться с мнением М.Д. Шаргородского о том, что общественная опасность представляется определяющим признаком преступления, поскольку, именно исходя из общественной опасности некоторых деяний, законодатель на протяжении длительного периода развития советского права до кодификации 1950-х гг. признавал ряд деяний преступлениями, только исходя из понимания того, что они опасны для советского государства и общества.

В этой связи, именно противоправность представляется тем объективным критерием, в соответствии с которым и возможно определение деяния как преступного, опираясь на прямое указание на него в уголовном законе. Во многом благодаря тому, что законодателю удалось перейти от понимания преступления, исходя из социологического правопонимания в его классовой интерпретации, к позитивистскому правопониманию в определении понятия преступления, в конечном итоге, именно это и способствовало преодолению принципа аналогии в уголовном праве и замене его на прямо противоположное основополагающее начало уголовного права: «нет преступления без указания на него в уголовном законе».

Среди советских ученых-криминалистов отсутствовала единая точка зрения и в отношении наказуемости как признака преступления. Одна группа ученых (Г.Б. Виттенберг [12, с. 26], Б.С. Утевский [13, с. 42]), полагала, что наказание в СССР перестало быть неизбежным атрибутом преступления в связи с полным искоренением преступности в будущем при коммунистическом строе. Поскольку одной из целей ЦК КПСС согласно решениям XX съезда являлось полное искоренение преступности с заменой мер «уголовного наказания мерами общественного

воздействия и воспитания», [14, с. 277] то в этой связи особенностью Основ Уголовного законодательства 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. стало смягчение уголовной ответственности за деяния, не представлявшие значительной общественной опасности для государства. Следовательно, при наличии указанной тенденции, наказуемость, по мнению ряда ученых, являлась «отмирающим» признаком преступления.

Другая группа исследователей, (К.К. Вавилов, А.А. Пионтковский), полагала, что наказание является следствием преступления. Так, по мнению, А.А. Пионтковского, наказание – это следствие преступления [9, с. 34-35]. С ним солидарен К.К. Вавилов: «наказуемость являлась признаком преступления наравне с общественной опасностью и противоправностью» [15, с. 164-165].

Представляется, что позиция К.К. Пионтковского и К.К. Вавилова, привносит в систему признаков преступления более реалистичное начало, переводя данную проблематику из сферы научного коммунизма в юридическую плоскость. Не руководствуясь ошибочной презумпцией об отмирании преступности, сторонники этого подхода отстаивали непредубежденное представление о наказуемости как об объективном критерии, который определяет параметры юридических последствий совершенных преступлений, подчеркивая их неотвратимость.

Определенную дискуссию вызвал также вопрос о выявлении нового признака преступления – аморальности, помимо общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости. Сторонниками введения этого признака в понятие преступления выступили такие ученые как А.А. Герцензон и К.К. Вавилов [16, с. 52] [115, с. 164-165].

Критиком этой точки зрения стал профессор А.А. Пионтковский, справедливо утверждавший, что противоправность подразумевает и аморальность: «хотя всякое преступление в нашем обществе есть одновременно не только действие противоправное, но и аморальное, однако этот последний признак нет необходимости специально вводить в определение понятия преступления, так как понятие противоправности деяния тем самым предполагает его противоречие коммунистической морали» [9, с. 29].

В отношении объекта преступления некоторые ученые, специалисты в области изучения уголовного права, утверждали, что объектом преступления следует считать «не обществен-

ные отношения, а те физические вещи, на которые оказывается конкретное непосредственное преступное воздействие»[17, с. 26].

А.А. Пионтковский полагал, что в ряде случаев непосредственным объектом преступления могут быть не общественные отношения, а имущество и вещи, физическое лицо (гражданин), продукты сельского хозяйства, инвентарь, урожай на корню [18, с. 111, 116, 318]. Однако Н.И. Коржанский полемизировал с ним, утверждая, что подобное мнение приводит к удвоению объекта и не содержит определение того, какой именно из двух объектов признается объектом посягательства[17, с. 29].

По мнению автора, следует согласиться с точкой зрения исследователя Б.С. Никифорова, утверждавшего, что в уголовном праве необходимо дифференцировать собственность как объект некоторых преступлений и имущество как предмет этих преступных посягательств. «Невозможно, оперируя только определенной вещью или конкретным предметом, определить объект посягательства, понять суть преступления... Без уяснения тех общественных отношений, вещественным выражением которых является предмет, вещь, невозможно ни понять преступления, ни оценить его общественную опасность»[19, с. 10, 24].

Одной из целей ЦК КПСС согласно решениям XX съезда являлось полное искоренение преступности с заменой мер «уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания».[14, с. 277] В этой связи особенностью Основ Уголовного законодательства 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. стало смягчение уголовной ответственности за деяния, не представлявшие значительной общественной опасности для государства.

Как было указано ранее, одной из важнейших черт кодификации уголовного законодательства выступает *декриминализация деяний*. Так, по мнению исследователя И.А. Анучина, «с момента принятия Основ уголовного законодательства 1958 г. отчетливо выявилась тенденция к сужению круга преступлений, за совершение которых предусматривалось наказание в виде ссылки»[20, с. 45–47].

Принцип *законности* в кодификации советского уголовного законодательства конца 50-х – начала 60-х гг. проявился в отмене ряда наказаний. Например, предусмотренные УК РСФСР 1926 г. пунктом д) ст. 20 «поражение

политических и отдельных гражданских прав» и пунктом е) ст. 20 «удаление из пределов Союза ССР на срок»[14, с. 277] не предусматривались. Основами уголовного законодательства союза ССР и союзных республик 1958 г.

Реализация принципа *законности* связана и с восстановлением института условно-досрочного освобождения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения», которое применялось только к осужденным, отличавшимся «примерным поведением и честным отношением к труду».[22, с. 317–318] Отметим, что условно-досрочное освобождение было отменено в 1939г.[21] По мнению законодателя, эта категория осужденных доказала «свое исправление». Условно-досрочное освобождение могло применяться только «...после фактического отбытия не менее половины назначенного срока наказания. ... При этом осужденный может быть освобожден также от дополнительных наказаний в виде ссылки, высылки или лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»[24, ст. 44].

Принцип гуманизма, характерный для кодификации советского законодательства середины 1950-х – 1960-х гг., в полной мере отразился не только в восстановлении института условно-досрочного освобождения, но и в снижении максимального срока лишения свободы с 25-ти до 10-ти лет в соответствии с Основами Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. За совершение особо тяжких преступлений предусматривался срок лишения свободы до 15 лет. (ст. 23 Основ Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.). [24, ст. 22, 23] Смертная казнь сохранялась как исключительная мера наказания за шпионаж, измену Родине, диверсии.[25, ст. 22]

Определенная гуманизация советской уголовно-правовой доктрины, сформировавшейся в середине 1950-х – 1960-х гг., составляет важную особенность развития советского уголовного права изучаемого периода. В этом русле закономерно представляется повышение возраста установления частичной уголовной ответственности с 12-ти до 16-ти лет, а по особо тяжким преступлениям – до 14-ти лет в соответствии со ст. 10 Основ Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.:

«Лица, совершившие преступление в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, подлежат уголовной ответственности лишь за убийство, умышленное нанесение телесных повреждений, причинивших расстройство здоровья, изнасилование, разбойное нападение, кражу, злостное хулиганство, умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного имущества или личного имущества граждан, повлекшее тяжелые последствия, а также за умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда» [26, ст. 10].

Новеллой Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. являлась отмена принципа *аналогии*, т.е. осуждение лица за деяние, не предусмотренное статьями Основ Уголовного законодательства: «Преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния» [27, ст. 6]. В отличие от УК РСФСР 1926 г., Основы Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. устанавливали ответственность только за определенную вину: «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления» [27, ст. 3].

Важным принципом кодификации уголовного законодательства, отменяющим аналогию, выступает принцип исчерпывающего перечня составов преступлений в нормах уголовного закона.

Верховным Советом СССР были приняты законы СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» [28] и «Об уголовной ответственности за воинские преступления» от 25 декабря 1958 г. [28] определившие исчерпывающий перечень особо опасных преступлений и меру ответственности за них. Отныне уголовная ответственность не могла наступить за деяние, прямо не предусмотренное уголовным законом. Следовательно, принцип аналогии отменялся, и вводился современный принцип «что не запрещено законом, то разрешено».

Другой важной чертой кодификации уголовного законодательства конца 50-х – начала 70-х гг. являлось установление обратной силы закона и условий его действия. Согласно ст. 6 Основ Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закон, смягчавший наказание виновных лиц, обладал обратной силой, тогда как ужесточавший наказание такой силы не имел: «закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание,

имеет обратную силу, то есть распространяется также на деяния, совершенные до его издания. Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет» [27, ст. 6].

Следует отметить важную тенденцию в развитии уголовного законодательства исследуемого периода: при общей направленности на смягчение уголовной ответственности за деяния, не влекущие существенную опасность для государства и общества, согласно ст. 2 Основ Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. сохранялись меры наказания, свойственные законодательству предыдущего периода. Они предусматривали максимальные сроки лишения свободы, а также смертную казнь «за государственные преступления, за бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и разбой». На указанные деяния ст. 23 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. об условно-досрочном освобождении и снижении максимального срока лишения свободы до 10-ти лет не распространялась [29, ст. 2].

Хищение социалистической собственности в советском уголовном праве являлось одним из наиболее тяжких преступлений против основ советского строя. Так, в Постановлении ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. указывалось, что «...общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна...» [30].

Несмотря на особую значимость, которую законодатель придавал данному виду преступления, понятие хищения, его признаки и виды не были установлены. Классификация хищения по его размерам берет свое начало в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г. [31].

В п. 4 этого нормативно-правового акта определялось, что «Хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, совершаемое повторно, а равно совершенное организованной группой (шайкой) или в круп-

ных размерах... карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества».

Таким образом, важнейшее преступление против социалистической собственности законодательно не было четко сформулировано, оставляя возможность применения принципа *аналогии*, поскольку в законе существовало лишь включение хищения в группу преступлений против социалистической собственности, например: «Кража, присвоение, растрата или иное хищение государственного имущества...» [31]

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. также не раскрывали понятие хищения.

Дальнейшая дифференциация размеров хищения была проведена в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» от 5 мая 1961 г. [32, с. 207] В этом документе вводилась формулировка: «хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах». Хищение в особо крупных размерах согласно ст. 93 прим. УК РСФСР 1960 г. влечёт лишение свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой, либо смертную казнь с конфискацией имущества. «Особо крупными» размерами считалась сумма свыше 10 000 руб. [33, ст. 591]

Среди преступлений имущественной направленности, получивших наиболее широкий резонанс, можно назвать дело директора Елисеевского гастронома № 1 Ю.К. Соколова, обвиненного в хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, злоупотреблениях и взяточничестве. На основании его показаний был привлечен к уголовной ответственности ряд руководителей московской торговой сети, в том числе начальник Главмосторга Трегубов. Верховный Суд РСФСР в 1984 г. приговорил Ю.К. Соколова к высшей мере наказания с конфискацией имущества и лишением всех званий и наград. В отношении остальных обвиняемых по данному делу были вынесены приговоры о различных сроках лишения свободы с конфискацией имущества.

Особенностью применения Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях» от 1.07.61 г. является распространение его действия на преступления, совершенные до вступления его

в законную силу [34, ст. 291]. Тем самым нарушался принцип «закон обратной силы не имеет», если предусматривает усиление мер уголовной ответственности. Так, осенью 1960 г. сотрудниками ОБХСС были задержаны с поличным главные фигуранты по делу о контрабанде и валютных махинациях – Ян Рокотов, Владислав Файбишенко и Дмитрий Яковлев. [35, с. 5]

Масштабы их преступной деятельности были по истине ошеломляющими. Только в результате одной из многочисленных операций, проведенных органами внутренних дел, осенью 1960 г. у контрабандистов было изъято более 20 кг. золотых монет царской чеканки.

Статья 88 УК РСФСР 1960 г. предусматривала максимальный 8-ми летний срок лишения свободы за валютные махинации. Московский городской суд вынес соответствующий приговор. Однако, по мнению Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева лица, совершившие столь тяжкие преступления против социалистической собственности, должны быть подвергнуты смертной казни. В связи с этим 1 июля 1961 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях»: «Допустить применение смертной казни – расстрела за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно нарушение правил о валютных операциях...» [34, ст. 291] Его действие было распространено на такой вид преступлений, как валютные махинации, предусмотренный ст. 88 УК РСФСР 1960 г. Приговор, вынесенный Яну Рокотову, Владиславу Файбишенко и Дмитрию Яковлеву, был пересмотрен и заменен на высшую меру наказания с конфискацией имущества.

Изменения, произошедшие в уголовно-процессуальном законодательстве изучаемого периода, также были обусловлены позитивными общественно-политическими процессами, происходившими в СССР после XX съезда КПСС.

Внедрение принципа социалистической законности связано с изданием в 1956 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О подсудности дел о государственных преступлениях». Согласно этому нормативно-правовому акту был отменен ряд законов, устанавливавших особый порядок судопроизводства по делам о преступлениях против государства специальными органами. Рассмотрение указанных дел

передавалось в суды общей юрисдикции или военные трибуналы. «Все дела о государственных преступлениях, совершенных гражданами лицами, кроме дел о шпионаже, подсудны областным, краевым и Верховным судам автономных и союзных республик, а также Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР. Дела о шпионаже подлежат рассмотрению Военной коллегией Верховного Суда СССР и военными трибуналами округов (флотов)».[36, с. 76–77]

Наряду с исключительно важными законодательными актами, призванными преодолеть особый порядок судопроизводства по некоторым преступлениям против социалистического государства, в этот период принимались псевдо значимые документы, действие которых якобы должно привести к резкому снижению показателей преступности в стране. В связи с этим следует упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания», в котором обосновывалась необходимость более широкого применения мер «предупредительного и воспитательного характера». Пленум Верховного Суда СССР в этом Постановлении рекомендовал судам передавать дела «о преступлениях, не представляющих значительной общественной опасности, ... на рассмотрение общественности».[37] Следует согласиться с мнением исследователя Д.С. Хачатряна, который подчеркивал иллюзорный и псевдо эффективный характер таких мер воздействия на правонарушителей. [38] Однако подчеркнем, что этот документ, несмотря на его очевидную неэффективность, несоответствие реальности и даже утопичность, не умалял общего позитивного значения кодификации уголовно-процессуального законодательства второй половины 1950-х – 1960-х гг.

Так, в соответствии с Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятыми в 1958 г., были закреплены такие важнейшие принципы уголовного судопроизводства, как *неприкосновенность личности* (ст. 6), «недопустимость привлечения в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом» (ст. 4), осуществление правосудия только судом (ст. 7), равенство граждан перед законом и судом (ст. 8), участие народных заседателей и коллегиальность рассмотрения дел в суде (ст. 9),

независимость судей и подчинение их Закону (ст.10), гласность судопроизводства (ст. 12), всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела (ст. 14), обеспечение обвиняемому права на защиту (ст. 13).

По мнению исследователя М.И. Понеделькова, статистические данные подтверждают крайнюю пассивность народных заседателей – «уровень активности и самостоятельности народных заседателей еще не отвечает той роли, которая определена им социалистическим уголовно-процессуальным законодательством» [30].

Однако, по словам юристов, практикующий в изучаемый период, народные заседатели далеко не всегда являлись пассивными фигурами в уголовном процессе. Процессуальная роль народных заседателей в советском уголовном процессе отнюдь не сводилась к формальному соглашению с судьей в правоприменительной деятельности. Народные заседатели имели право вынести собственное определение по делу в случае несогласия с позицией судьи. По воспоминаниям народного судьи в отставке В.А. Курочкина, который в 1966г. рассматривал дело о хулиганстве, совершенном группой молодых людей в поселке Уторгош Новгородской области. [40] Прокурор потребовал приговорить юношей к максимальному сроку лишения свободы, предусмотренному санкцией соответствующей правовой нормы уголовного закона. С позицией обвинения был солидарен судья, руководствуясь Указом Президиума Верховного СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство».[41] При обсуждении квалификации рассматриваемого деяния народные заседатели решительно выразили свое несогласие с позицией прокурора и судьи, заявив, что не позволят исковеркать жизнь и судьбу молодым людям. Народным заседателям удалось отстоять свое коллегиальное мнение, и подсудимые были осуждены условно.

Другим ярким примером, иллюстрирующим самостоятельную процессуальную роль народных заседателей в советском уголовном процессе, является дело по обвинению молодой девушки-почтальона, присвоившей пенсию в размере 50-ти руб., которая полагалась пожилой колхознице за сына, пропавшего без вести в период Великой Отечественной войны. В процессе судебного разбирательства выяснилось, что подсудимая находилась в крайне тяжелом материальном положении, на ее иждивении на-

ходила мать с малолетними детьми. Прокурор потребовал применить наказание в виде полутора лет лишения свободы, несмотря на то, что закон предусматривал значительно больший срок наказания – до семи лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. В совещательной комнате народные заседатели заявили судье о необходимости оправдания девушки, находящейся в крайне тяжелой жизненной ситуации. Однако судья указал на доказанность преступления, но, согласившись с доводами народных заседателей, предложил вынести приговор об условном осуждении. Народные заседатели поддержали такое решение по делу и подписали приговор.

Как утверждал И.Д. Перлов, было необходимо ввести участие народных заседателей в кассационном и надзорном производстве. «Следовало рассмотреть этот вопрос с точки зрения указаний Программы КПСС о необходимости развивать и совершенствовать демократические основы правосудия. Ясно, что расширение участия народных заседателей в судебном рассмотрении дел ведет к демократизации, процесса, так как обеспечивает привлечение к осуществлению правосудия все более широкие слои населения»[42].

Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. также был введен институт общественных обвинителей и общественных защитников. [43, ст. 4, 6–10, 41]

Таким образом, подчеркивается необходимость действия принципа состязательности в уголовном процессе и права подсудимого на квалифицированную юридическую защиту в суде. В соответствии со ст. 22 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. «защитник допускается к участию в деле с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления обвиняемому для ознакомления всего производства по делу. По делам о преступлениях несовершеннолетних, а также лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту, защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения».[44, ст. 22]

Библиография:

1. Новицкая Т.Е. Источники российского права: вопросы теории и истории: учебник / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2009. С. 29-30.
2. Постановление Президиума ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г.// КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 9. 1956—1960. М., 1986. С. 111-129.

О важности своей профессии писала в воспоминаниях адвокат Р.М. Марьяш. На страницах своего сочинения она подчеркивала публичный характер этой деятельности, требующей мобилизации таких черт характера, как умение добиться желаемого результата; четкость, последовательность действий. Успешный результат был обусловлен, подчеркивает Р.М. Марьяш, способностью выстроить логически выверенную позицию защиты по, казалось бы, безнадежному делу.[45, с. 128]

Из наиболее ярких примеров ее адвокатской практики следует привести материалы дела, которое было рассмотрено Верховным Судом Латвийской ССР с января по июль 1964 г. Обвиняемыми по делу являлись 5 прокуроров, 5 судейских чиновников, 7 адвокатов, 21-но лицо, которым вменялась в вину дача взятки, 1 гражданин, подозреваемый в оказании незаконных посреднических услуг. В ходе судебного разбирательства факт взяточничества был доказан. Приговор по делу составлял 200 страниц машинописного текста. Благодаря активной позиции адвоката четверо обвиняемых получили оправдательный приговор. Другие подсудимые были осуждены и отбывали наказание в местах лишения свободы.

Таким образом, следует заключить, что те многочисленные исключительно значимые изменения, которые были отражены в кодификации советского уголовного и уголовно-процессуального права в изучаемый период, способствовали восстановлению социалистической законности. Качественные политико-правовые трансформации, произошедшие в СССР в середине 1950-х – 1960-е гг., способствовали развитию организационно-правовых механизмов защиты и охраны прав советских граждан, ограждая их от произвола карательных органов, носивших неконституционный характер, ликвидированных в данный период. Прекращалось также действие целого ряда норм ярко выраженной репрессивной направленности, являвшихся неотъемлемой составляющей советского уголовного права в период с его становления по вторую половину 1950-х гг.

3. Биюшкина Н.И. Принципы советского права в контексте кодификации 1950-х – 1960-х гг./Н.И. Биюшкина. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 291-310.
4. Алексеев Н.С. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства/Н.С. Алексеев //Правоведение. 1959. № 2. С. 95-104.
5. Максимова О.А. Революционное правосознание как источник Советского права и законотворчества/О.А. Максимова// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. – №9(47). С. 88 – 94.
6. В. И. Ленин. Соч., изд. V, т: 23. С. 36.
7. Семенов В. М. Принципы советского социалистического общенародного права /В. М. Семенов. //Правоведение. 1964. – № 1. С. 16-26.
8. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 Ст. 1 // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959, N 1, ст. 6.
9. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / Пионтковский А.А. – М.: Госюриздат, 1961. С. 29, 34-35.
10. Шуберт Л. Об общественной опасности преступного деяния. Пер. со словацкого/Л. Шуберт. М.: Госюриздат, 1960. С. 30.
11. Шаргородский М.Д. Рецензия на книгу Л. Шуберта «Об общественной опасности деяния»/ М.Д. Шаргородский // Правоведение. 1960. № 4. С. 152-155.
12. Виттенберг Г.Б. Некоторые вопросы науки уголовного права и совершенствования законодательства в связи с возможностью замены уголовной ответственности мерами общественного воздействия. / Г.Б. Виттенберг // В сб.: Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма. Тезисы докладов. Л.: Изд. ЛГУ, 1963. С. 26.
13. Утевский Б.С.. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права/ Б.С. Утевский// Советское государство и право, 1963 . – № 6. С. 42.
14. КПСС в резолюциях. Изд. 8-е. Т.8. С. 277.
15. Вавилов К.К. О наказуемости как признаке понятия преступления/К.К. Вавилов//Правоведение», 1964. –№ 1. С. 164-165.
16. Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве/ А.А. Герцензон. – М.: Госюриздат, 1955. С. 52.
17. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны/Н.И. Коржанский. М.: Юрид. лит., 1980. С. 26, 29.
18. Пионтковский А. А. Учение о преступлении. Курс советского уголовного права. Часть Общая. М.: Юрид. лит. 1970, т. 2.С. 111, 116, 318.
19. Никифоров Б. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности в СССР/ Б.С. Никифоров. М.: 1954. – С. 10, 24.
20. Анучин И.А. Правовое регулирование ссылки как уголовного наказания во второй половине 1950-х –1960-е гг. в СССР/И.А. Анучин // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. – №3. С 45-47.
21. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. //М.: Госюриздат, 1950.
22. Указ Президиума Верховного Совета СССР. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» от 14 июля 1954 г.// Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. М., 1959. С. 317-318.
23. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР» от 15.06.39 г.// ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918—1960 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — М.: МФД, 2000. — С. 116 — (Россия. XX век. Документы); Указ Президиума Верховного Совета СССР Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в НТК и тюрьмах НКВД СССР от 20.06.39 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. С. 117 (Россия. XX век. Документы)
24. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12.1958. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959. N 1. Ст. 22; 23; 44.
25. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12.1958. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959. N 1. <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssrg067.htm> Ст. 22.
26. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12.1958. // Верховного Совета СССР, 1959. N 1. С. 10.
27. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12.1958. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959. N 1. Ст. 3; 6.
28. Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25.12. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР 1959. № 1.
29. Основы уголовного законодательства союза ССР и союзных республик от 25.12.1958. . // Верховного Совета СССР, 1959. N 1. Ст. 2; 6.
30. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7.08.32// СЗ СССР», 1932, № 62, «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», N 218, 08.08.1932.
31. Указ Президиума ВС СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4.06.1947//Ведомости Верховного Совета СССР, 1947. № 19
32. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» от 5.05.61 г. //Ведомости Верховного Совета СССР 1961, № 19. С. 207.
33. УК РСФСР 1960 г. от 27.10.60 г. ст. 93 прим// Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31.10.60. № 40. Ст. 591.

34. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях» от 1.07.61 г. // Ведомости ВС СССР. 1961. N 27. Ст. 291.
35. Федосеев С.М. Расстрел обратной силы не имеет/ С.М. Федосеев // газета Сегодня от 19.12.1997. С. 5.
36. Указ Президиума ВС СССР «О подсудности дел о государственных преступлениях» от 28.07.1956 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 76-77.
37. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания» от 19.06.59 // Сборник Постановлений Пленумов Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам/сост. Рарог А.И., Бимбинов А.А., 2015.
38. Хачатрян Д.С. // Борьба с хулиганством по законодательству рсфср прошлого века/ Д.С. Хачатрян Тольятти. 2011.
39. Понделков, М. И. Участие народных заседателей в рассмотрении уголовных дел и предупреждении преступлений: Автореферат дис. к. ю. н. 12.00.08-М.: изд. Всесоюз. Инст. по изуч. прич. и разр. мер предупр. преступности, 1972. 18 С.
40. Курочкин В.А. Записки народного судьи Бузыкина. М.: Современник, 1990. 336 с.
41. Указ Президиума Верховного СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» от 26.07.66 // Ведомости Верховного Совета СССР, 1966. N 8.
42. Перлов И. Д. «Кассационное производство в советском уголовном процессе/И.Д. Перлов. – М.: Юр. лит, 1968 г./ <http://www.yurkonsultacia.ru/zakonodatelstvo/kassaciya07.htm>
43. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959. N 1. Ст. ст 4; 6-10; 41.
44. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных республик от 25.12.1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1959. N 1.Ст. 22.
45. Марьяш Р.М. Калейдоскоп моей памяти. Рига.: Acis, 2003. С. 128

References (transliterated):

1. Novitskaya T.E. Istochniki rossiiskogo prava: voprosy teorii i istorii: uchebnik / otv. red. M.N. Marchenko. M.: Norma, 2009. S. 29-30.
2. Biyushkina N.I. Printsipy sovetskogo prava v kontekste kodifikatsii 1950-kh – 1960-kh gg./N.I. Biyushkina. // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2015. № 6. S. 291-310.
3. Alekseev N.S. Osnovy ugovolnogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik i dal'neishee razvitie ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva/N.S. Alekseev //Pravovedenie. 1959. № 2. S. 95-104.
4. Maksimova O.A. Revolyutsionnoe pravosoznanie kak istochnik Sovetskogo prava i zakonotvorchestva/ O.A. Maksimova// Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. – №9(47). S. 88 – 94.
5. V. I. Lenin. Soch.; izd. V, t: 23. S. 36.
6. Semenov V. M. Printsipy sovetskogo sotsialisticheskogo obshchenarodnogo prava /V. M. Semenov. //Pravovedenie. 1964. – № 1. S. 16-26.
7. Piontkovskii A.A. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugovolnomu pravu. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava: Obshchaya chast' / Piontkovskii A.A. – M.: Gosyurizdat, 1961. S. 29, 34-35.
8. Shubert L.. Ob obshchestvennoi opasnosti prestupnogo deyaniya. Per. so slovatskogo/L. Shubert. M.: Gosyurizdat, 1960. S. 30.
9. Shargorodskii M.D. Retsenziya na knigu JI. Shuberta «Ob obshchestvennoi opasnosti deyaniya»/ M.D. Shargorodskii // Pravovedenie. 1960. № 4. S. 152-155.
10. Vittenberg G.B. Nekotorye voprosy nauki ugovolnogo prava i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v svyazi s vozmozhnost'yu zameny ugovolnoi otvetstvennosti merami obshchestvennogo vozdeistviya. / G.B. Vittenberg // V sb.: Problemy sovetskogo ugovolnogo prava v period razvernutoho stroitel'stva kommunizma. Tezisy dokladov. L.: Izd. LGU, 1963. S. 26.
11. Utevkii B.S.. Nekotorye voprosy dal'neishego razvitiya teorii ugovolnogo prava/ B.S. Utevkii// Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1963. . – № 6. S. 42.
12. Vavilov K.K. O nakazuemosti kak priznake ponyatiya prestupleniya/K.K. Vavilov//Pravovedenie», 1964. – № 1. S. 164-165.
13. Gertsenzon A.A. Ponyatie prestupleniya v sovetskom ugovolnom prave/ A.A. Gertsenzon. – M.: Gosyurizdat, 1955. S. 52.
14. Korzhanskii N.I. Ob'ekt i predmet ugovolno-pravovoi okhrany/N.I. Korzhanskii. M.: Yurid. lit., 1980. S. 26, 29.
15. Piontkovskii A. A. Uchenie o prestuplenii. Kurs sovetskogo ugovolnogo prava. Chast' Obshchaya. M.: Yurid. lit. 1970, t. 2. S. 111, 116, 318.
16. Nikiforov B. S. Ugovolno-pravovaya okhrana lichnoi sobstvennosti v SSSR/ B.S. Nikiforov. M.: 1954. – S. 10, 24.
17. Anuchin I.A. Pravovoe regulirovanie ssylki kak ugovolnogo nakazaniya vo vtoroi polovine 1950-kh –1960-e gg. v SSSR/ I.A. Anuchin // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskii zhurnal. 2009. – №3. S 45-47.
18. Fedoseev S.M. Rasstrel obratnoi sily ne imeet/ S.M. Fedoseev // gazeta Segodnya ot 19.12.1997. S. 5.
19. Khachatryan D.S. // Bor'ba s khuliganstvom po zakonodatel'stvu rsfсr proshlogo veka/ D.S. Khachatryan Tol'yatti. 2011.
20. Kurochkin V.A. Zapiski narodnogo sud'i Buzykina. M.: Sovremennik, 1990. 336 s.
21. Perlov I. D. “Kassatsionnoe proizvodstvo v sovetskom ugovolnom protsesse/I.D. Perlov. – M.: Yur. lit, 1968 g./ <http://www.yurkonsultacia.ru/zakonodatelstvo/kassaciya07.htm>
22. Mar'yash R.M. Kaleidoskop moi pamtyati. Riga.: Acis, 2003. S. 128